

30 АПР 1982
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Кто же подстраивает все эти истории, совпадения, неожиданные встречи, никогда не только не планируемые, но даже и в мыслях не бывавшие? Его величество случай? Предначертанность загадочной судьбы? Диалектическая осознанная необходимость? Не знаю. Не беру судить. Доискиваться до причин трудно и долго. Проще сказать, встречая с этим человеком состоялась спустя много лет после беглого упоминания его имени за юбилейным ужином. Тогда, как мне казалось, оно проскользило мимо, чуть задев краешек сознания.

Первый раз я услышал его из уст Юрия Александровича Завадского. Было это, как говорят актеры, на «посиделках» после пятисотого спектакля по пьесе Анатолия Софронова «Миллион за улыбку». На дворе стояла весна. А она ощути-

ЗА ДАЛЬЮ СЛЕДУЕТ ДАЛЬ

в концентрированной форме выражает характер русского народа. Завадский недавно поставил в Белграде «Иванова». Заглавную роль там сыграл словенец Стево Жигон, вспоминал Юрий Александрович, и так талантливо, так глубоко проник в образ своего героя, увидев в нем ранее неведомые нам черточки, что русскому актеру впору кое-чему поучиться у своего заграничного коллеги.

И все. В разговоре имя Стево Жигона мелькнуло только раз. Прошло с тех пор восемь лет. Много воды утекло в Москве-реке и Дунае. Забылись и эти размышления Юрия Александровича, и упомянутый им югославский Иванов. Но то, что тронуло сердце, остается в человеке надолго. И рано или поздно оно всплывает, если возникнет причина, аналогичный случай, хоть какой-то стороной, пусть незначительной, сопрягающийся с давно минувшим.

...После очередного утомительного заседания XXI Югославской конференции ГЕНЕСКО, которая проходила в белградском «Сева-Центре» — новом международном комплексе с первоклассной гостиницей и многочисленными залами, похожем на срезанную пирамиду Хеопса, покоящуюся на гигантском гранитном цоколе, я решил побродить по городу. Осень в Белграде — очаровательная пора, мягкая, солнечная, одетая в багрянец и золото. Не спеша, а потому незаметно дошел до парка возле древней крепости Каламегдан. Впереди виделись задунайские дали, похожие на персидский ковер, расстеленный под голубым куполом. На-

роду в парке в этот предзакатный час было мало. На скамейке сидел седовласый мужчина, в руках которого, как в велосипедном колесе, мелькали вязальные спицы. Возле стояла детская коляска. «Пример свободной и окончательной разоружения», — подумалось мне. Чуть поодаль возвышалась круглая тумба, оклеенная брошками театральными афишами, которые сообщали, что в Белграде проходит международный театральный фестиваль — БИТЕФ. Видные лективы Европы показывали на сценах Белграда свои лучшие спектакли. Вот тут и вмешалась та волшебная сила, которая вдруг вытаскивает из памяти плотно завешанные временем имена, события, лица. Единичество ли, название ли страны, или слово «театр», мелькавшее на афишах, действовало, а может, сочетание всех трех факторов, но так или иначе передо мной неожиданно ярко всплыла картина той далекой весны 1972 года, и ресторан «Прага», и рассказ ныне уже покойного Юрия Александровича Завадского, и имя югославского актера, о котором он тогда с любовью говорил.

— Здравствуйте, Стево! — сказал я, подходя к нему.

— Во как? Сразу догадались... Заметен? — спросил он, и в глазах мелькнул озорной огонек.

— Интуиция подсказала.

— Что ж... Значит, вроде знакомы. Но интуиция кем-то заряжается?

— Было дело, было...

С этого момента и в течение двух недель мы встречались со Стево Жигонем в разных уголках Белграда чуть ли не каждый день. Переговоро- лосе не промелькнуло и «ени- тцеславия или гордыни. На-

оборот, в хорошем русском языке звучали лишь нотки дружелюбия и готовности. Он разговоривал так, будто знал вас давно, но затерял где-то на жизненных дорогах и с радостью слышит вновь. «Завтра у меня свободный день, давайте встретимся, а? Не беспокойтеся, заеду сам. Есть машина. Вчера взял из ремонта. Поез- ло... В семь вечера буду. Не возражаете?»

Узнать, что в холл вошел именно Стево Жигон, не стоило большого труда. Широко и довольно заулыбался портье, тепло раскланялись стоявшие у барьера «рецепции» двое пожилых мужчин. Чувствовалось, что появилась личность популярная и желанная. Да и сама уверенная осанка вошедшего, его внешность — стройная фигура, красивая голова с волнистыми каштановыми волосами, голубые глаза, светившиеся ве- сельем и любовью, — все говорило об этом. Спортивный вид фигуре придавали серая рубашка с расстегнутым воротом, синие, плотно облегающие бедра велветовые брюки.

— Чем старше становлюсь, — заметил Стево, перебивая свой рассказ о «начале», — тем острее ощущаю прошлое. Бывают моменты, когда я чувствую его прямо-таки кожей. Причем далекое прошлое, свидетелем которого я вроде бы и не был. Особенно в часы работы над спектаклем о днях минувших. И не есть ли это проявление вечной жизни, сигналы физической связи вре- мен, короче, по-научному — го- лоса наших генов? Поэтому нельзя вычеркивать из памяти не только близкое вчера, но и далекое, что было до тебя.

искусство и его важная часть — театр. Но так как любое искусство творит человек и несет оно (искусство) на себе печать его личности, в беседах часто касались жизни самого Стево Жигона. Я попытался выборочно рассказать об услышанном, не конкретизируя мест наших встреч, не придерживаясь строго их хронологии.

Происходит Стево Жигон из Любляны. Если бы не война, он, наверное, получил там и обще среднее образование. Но внезапно вторжение в Юго- славии гитлеровских дивизий перепутало все карты. Стево Жигон как истинный патриот сразу понял, что может оказать действительный отпор врагу. Юноша вступил в молодежную коммунистическую организацию. Она привела его в отряды Сопротивления. Однако вскоре он попадает в итальянскую тюрьму. В конце 1943 года «попечительство» над ним берут немцы. Чтобы оно было надежным, его запрятывают в концлагерь Дахау. Там он и то- мился до разгрома гитлеров- ской Германии, проявляя немалую сметку, чтобы уцелеть.

— Люблю дорогу. Но чтобы она не плутала по оврагам и кочкам, важно правильно ее выбрать еще на старте, — гово- рит Стево. — Теперь, когда ми- нули с момента выбора деся- тилетия, могу заключить: я не ошибся.

К такому выводу он пришел нелегко. Впереди еще пред- стояло завоевать популярность у зрителей, признание и ува- жение товарищей по профес- сии. Последнее в осуществле- нии главной цели Стево игра- ло особую роль. Если каждый

человек часто подсознательно стремится быть режиссером собственной жизни, то для хо- рошего актера, прожившего на сцене много жизней, стремле- ние выразить себя в режиссу- ре тем более естественно и, добавлю, традиционно.

Стево Жигон лелеял мечту стать режиссером чуть ли не с первой реплики на подмост- ках театра. А здесь авторитет у коллег — первооснова успеха. Вот почему мнение труппы он ставил так высоко.

Но пока вернемся к делам актерским. Выбор репертуара не доставил ему мучительных раздумий. Он был ясен еще на студенческой скамье: кро- ме лучших произведений юго- славских драматургов, в нем видное место заняла русская и советская классика. Почему? Ответ на этот вопрос неодно- значен. Учит, воспитывает не только трепетное слово, та- лант и энтузиазм педагога. В этом процессе активно участ- вует и окружающая среда — улица, толпа, архитектурные ансамбли — облик и душа го- рода, где познавал тайны ремесла. Они тоже формируют вкус, мировоззрение, привяз- занности. А за плечами у Стево был Ленинград, где чуть ли не каждый дом или улица — цитата из Пушкина и Блока, Го- голя и Достоевского. С упое- нием он играл на югославской сцене в таких спектаклях, как «Таланты и поклонники», «Братья Карамазовы», «Егор Булычов и другие», «Бронепое- зд 14—69», «Любовь Яровая».

Этапным стал чеховский «Иванов».

— Я знал множество интер- претаций «Иванова» на раз- личных сценах. И для меня своеобразие спектакля, пред-

ложенного Завадским, его от- личительность, его спорность явились главным достоинством постановки. Работая над обра- зом Иванова как актер, я усво- ил для своего режиссерско- го будущего очень ценное правило: искать решение спек- такля каждый раз единствен- ное. Если найдено — будет спектакль. И еще важный урок преподл Юрий Александрови- ч: режиссеру следует давать актеру простор для твор- чества, считая себя при этом не ущемленным, а, наоборот, обогащенным. В одном харак- тере уметь сплести разнооб- разные человеческие качества.

Спросите, что из всего этого «краткого курса» получится? Скажу, характер одного Ива- нова разбудил во мне разно- образные качества режиссера.

Стево Жигон улыбнулся. Го- лубые глаза его округлились, словно он удивился происшед- шим с ним тогда переменам.

— Иванов стал тем послед- ним порогом, через который я шагнул в мир режиссуры. Ни- чего особенного вроде не случилось, а? К чему шел... И все-таки...

Конечно, надо было полу- чить решающий импульс. Стево Жигон его получил. Мощ- ным источником оказался За- вадский.

— Помните драму Яго, тра- гедию Дездемоны и Отелло? Человек, полный эмоций, не может не довести свою идею до конца, даже если это стоит ему жизни... Я, как видите, жив, а идею свою осуществил. В общем, все к лучшему в этом мире.

К лучшему? Бесспорно. Юго- славский театр получил вло- щение великолепного ре- жиссера, известного далеко за пределами своей родины, став- шего лауреатом многих пре- мий, кавалером государствен- ных наград, имя которого во- шло в национальную энцикло- педию.

Работу на новом попрце —

режиссерском, не покидая, впрочем, изначальное — ак- торское, столь же полезное режиссеру, как полезно дири- жеру быть и хорошим музы- кантом-исполнителем, — Сте- во Жигон начал опять же с русской классики. Что это — верность школе? Или истинное признание международной си- лы русского искусства? Поста- вил «Варваров» и «Детей солн- ца» Горького, «Ревизора» Гого- ля. Не был он равнодушен, ко- нечно, и к лучшим произведе- ниям отечественной и мировой драматургии. Свет рамы в его интерпретации увидели «Опе- чаленная семья» Нушича, «Гам- лет» Шекспира, «Фрекен Юлия» Стриндберга, «Пигмали- он» Шоу, «Смерть Дантона» Бюхнера, «Затворники Альто- ний» Сартра. Всего не перечис- лишь, да и нужды в этом нет. Названные вещи в достаточной мере говорят о широте инте- ресов Стево Жигона. Может быть, чуть больше стоит оста- новиться на «Затворниках Аль- тоний». Это одна из любимых его вещей.

— Добавлю и горьких, му- чительных. Воспоминания юности. В спектакле есть персонаж Франц фон Герлах, которого я играю. В его натуре как бы со- бран весь ужас фашизма, его звериная суть, направленная на истребление всего челове- ческого в человеке любой на- циональности, не исклякая, ко- нечно, и немцев, — говорит Стево. — В этой сути заложен и неизбежность гибели фашиз- ма, неотвратимость наказания преступников, даже для тех, кто избежал законного суда. Фон Герлах потрясает вообра- жение. Весь его путь к «побе- де» всего лишь лабиринт к Ми- нотавру, жертвой которого он и становится.

Потрясенный ушел со спек- такля и автор пьесы Жан Поль Сартр. Исполнителю главной роли Франца фон Герлаха он послал записку: «Стево Жигону, который сыг-

рал Франца с такой чувстви- тельностью и таким дыханием! Сердечно и глубоко благода- рю. Сартр».

— Записка Сартра меня обра- довала, — продолжал Сте- во, — она же навела и на очень важный вывод: спектакль, зна- чит, растрогал сердца зри- телей, раз уж такого искусен- ного человека привел в вос- торг, поможет им реально ощутить, оценить действитель- ность. Выходит, цель достигну- та! А то ведь как получаются? Уводят на Западе простых лю- дей от современных проблем. Извините за официальный язык. Тут никуда от него не денешься... Уводят. Особенно молодежь. За пасторальными картинками прячут подлинное рыло неонафашизма, империа- лизма. Оглушают ее шлягера- ми, визжащими оркестрами. Модными делают все, что по- давляет разум, да так подав- ляет, чтобы человек его вооб- ще не слышал. Есть такой фильм «Никаких проблем». Прокатчики какой уж год го- няют его с экрана на экран. А зачем?

Стево Жигон в ответ про- мурлыкал песенку: «Все хоро- шо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...» И хи- тро улыбнулся.

— Чтоб проверить свои вы- воды, я провел такой экспери- мент. В пьесе Вампилова «Ути- ная охота» вооружил Зилова транзистором. Когда он го- ворит что-то важное, из аппарата вырываются громы и молнии. Актер форсирует голос, чтоб его услышали. А если в зал посылаются реплики малозна- чимые, транзистор тихо пере- дает приятную мелодию. Зри- тели все поняли... Поняли, ку- да клонит постановщик. Это пример, когда эксперимент пришелся ко двору. Думаю, что формы в нашем деле вся- кие нужны. От старого акаде- мического до эксперименталь- ного. Влияние Станиславского

на театральный процесс до сих пор огромно. Что так? Разве за эти годы не появились но- вые авторитеты? В том числе и низвергатель? Есть они, ро- димые, есть! — глаза у Стево сощурились, потемнели. — На- следство Станиславского бес- смертно потому, — голос на ре- гистр стал выше, — что для своего времени оно было экс- периментальным. Случается, толкуют это наследство по-раз- ному. Что ж, факт, подтверж- дающий мою мысль: наследст- во Станиславского неисчер- паемо.

— Сейчас, как грибы после теплого дождя, рождаются артистические группы, стремящие- ся выйти из традиционных ра- мок. Благоприятствует этому и политическая погода. Ска- лтертью им дорога. Поживем — увидим. Спрашиваете, на какой «кочке» стою? Для меня иде- ал — гармоничный спектакль. Разделяю мнение — в мир ав- тора надо вторгаться. Главное в искусстве — показать «невоз- можное», то есть правду. В этом смысле и актер тоже долж- ен быть «невозможным». Он аккумулятор страстей. Поэтому его место в гуще жизни. Источник силы — в тес- ном общении с людьми. Акку- мулирую страсти, актер разря- жается на сцене, отдавая их зрителю. Как актер я всегда жду спектакля, чтобы очистить самого себя. Как режиссер, ставя спектакль, я знаю, что театр — подтверждение зави- симости человека от человека. А зависимость эта — выраже- ние самой высокой формы жизни. Вот я и стремлюсь воплотить ее на сцене...

Все эти рассуждения Стево Жигона можно обобщить дву- мя словами: философия твор- чества. А материализуется она у него, как у актера в сцениче- ских образах, как у режиссе- ра — в спектаклях. Но не толь- ко. Философия эта лежит в ос- нове и литературной работы

Стево. Он ведь еще и драма- тург. Его инсценировки сделали достоянием югославской пуб- лики произведения опять же русской прозы и поэзии. За- видный пример постоянства! Стево инсценировал романы Достоевского «Идиот» и «Под- росток», произведения Пушки- на «Моцарт и Сальери», «Ка- менный гость» и многое дру- гое. Причем «Подrostок» при- нес ему приз за лучшую ре- жиссуру в Югославии.

Спектакль шел до тех пор, пока подросток не поста- вел, — шутит Стево Жигон.

Философия творчества. Как часто она раскодируется с прак- тикой жизни. Достичь здесь гармонии — великий дар худож- ника. Сказал «достичь» и подумал, а правильно ли я выра- зился? Конечно, достичь при желании можно всякого, даже очень трудного. Но к такой гармонии всегда будет чуть примешана искусственность. Подлинная же гармония есте- ственна как вдох и дается она художнику с молоком матери. Стево Жигон наследовал этот дар от рождения. С годами он не растерял его, что тоже слу- чается, а, наоборот, укрепил, слил в одно неразделимое русло.

Почувствовать, осязать гар- монию слова и дела нельзя вполне, если не довелось ви- деть художника в обывденной, домашней обстановке, в обще- нии с людьми другого круга. Мне посчастливилось быть сви- детелем и того, и другого. Вся- куда Стево прямо-таки источает добро и заботливость. Не по- тому ли с ним легко и непри- нужденно чуть ли не с первых минут знакомства. Отсюда воз- никает и доверительность в об- щении. Где-то давно, на гас- тролях вдали от родины, Стево познакомился с двумя людь- ми. Неожиданно он получает телеграмму, что эта пара при- бываает в Белград проездом на Адриатику. Несколько дней бу-

дет в столице. Стево спешит на аэродром. Встречает. Уст- раивает в гостиницу. Показы- вает город. И только после то- го как проводил их на море, успокаивается. А сколько не- поддельного страдания было написано на его лице, когда он однажды утром сказал мне, что тяжело заболел сын его друга. Стево помчался в боль- ницу. И каждый день там бы- вал, с беспокойством сообщал о состоянии здоровья мальчи- ка. И, о радость, — кризис ми- новал. Эта вещь словно зажгла в его глазах голубой огонек — столь они были ясны и лучи- сты.

Понятно, почему все письма Юрия Александровича Завад- ского к Стево Жигону теплы и радужны. Их приятно было писать. Стево либезно позна- комил меня с ними. Это про- изошло как-то вечером у него дома. Стево живет в живопис- ном районе старого Белгра- да — Сеняк. Небольшие особ- няки, окруженные крохотными палисадниками, расположи- лись здесь на зеленых узких улочках, что придает всей округе особый уют и покой. В гостиной, где мы пьем кофе, в простых горшках многолетние цветы. Старинные лампы сто- ят на низких столиках. В мяг- ком глубоком кресле, сверну- шись калачиком, спит серый кот. Другой, черный, встретил нас, мурлыча, у подъезда.

— Дочь Иоанна, школьни- ца, — представил ее ласково Стево, — есть сын — студент. Жена скоро придет. Она на съемках, киноактриса. Вот и вся моя семья, не считая ко- шек... Мой дом, — продолжал после некоторого раздумья, — служит ярким примером жизни словенца Стево Жигона. Она у него в зените и так же красива впереди, как расстилаясь от самого главного, ради чего я и открыл папку. Читайте.

Стево Жигон протянул мне папку писем, многозначитель- но заметив:

— От Юрия Александрови- ча...

После «Иванова» у Стево за- вязалась с Завадским тесная

дружба. Правда, личное обще- ние случалось не так часто. Наиболее полно оно выража- лось в письмах.

«Так досадно, что по нездо- ровью сорвалась моя поездка в Югославию, — пишет Юрий Александрович своим прямым крупным почерком, — так меч- тал, что будем несколько дней жить рядом, обмениваться мыслями, планами, надежда- ми... Что посмотрю интерес- ные белградские спектакли, встречусь с участниками «Ива- нова» и друзьями, возникши- ми в дни моего пребывания в вашей чудесной столице».

Другое письмо. Коротень- кое, всего лишь три абзаца. Прощитую и того меньше — несколько слов:

«Знаете — от встреч с вами, от разговоров, даже, казалось бы, незначительных, мимолет- ных — во мне всегда возникает что-то для меня значитель- ное, существенное, важное» (подчеркнуто автором).

Слов мало, но какое богат- ство натуры оно раскрывает! Ведь сказал их Юрий Завад- ский! И каждое его письмо как бы дополнительный штрих к тому портрету Стево Жигона, который Юрий Александрович начал бегло рисовать в памя- тную встречу на артистических посиделках в 1972 году.

С тех пор минуло десять лет. Среди нас нет Юрия Але- ксандровича. Но мысль, ис- кусство Завадского, слава те- atra Завадского перешагнули границу его Родины, продол- жаются в его учениках, чему служит ярким примером жизнь словенца Стево Жигона. Она у него в зените и так же красива впереди, как расстилаясь от самого главного, ради чего я и открыл папку. Читайте.

За далью же следует даль.

Борис ИВАНОВ.

Ю. А. Завадский и Сте- во Жигон после премьеры спектакля «Иванов» (снимок публикуется впервые).

Все произведения на русском языке. Лафонтен, Расин, Пре- вьер на французском. Стево Жигон говорит на нескольких европейских языках. Бережно подобраны отдельные тетра- дочки режиссерские разработ- ки, тщательно подшиты собст- венные инсценировки знамени- тых произведений.

А вот папка, особо важная в биографии Стево Жигона. В ней собраны письма, записки, программы, фотографии всех лет, которые оставили памя- тный след в его творческой судьбе. Рассказывая об этих немыслимо свидетелях прошлого, нельзя обойтись без частого употребления слова «первый».

Пожелтевший снимок сцены из тургеневского «Накануне». В роли Инсарова — Жигон. Пер- вая роль в жизни. Программка концерта в Любляне. 1946 год. В числе участников — Стево Жигон. Первый профессио- нальный выход на сцену. Запи- ска Сартра, которую я цитирую. Еще одна — после спекта- кля «Смерть Дантона»: «Ваш Робеспьер — роль, которую я никогда не забуду. Я ее буду помнить, как помню Гамлета — Момси и царя Эдила — Лорен- са Оливье. Клифорд Эванс».

В гостиницу вошла девочка с кошкой на руках.

— Дочь Иоанна, школьни- ца, — представил ее ласково Стево, — есть сын — студент. Жена скоро придет. Она на съемках, киноактриса. Вот и вся моя семья, не считая ко- шек... Мой дом, — продолжал после некоторого раздумья, — служит ярким примером жизни словенца Стево Жигона. Она у него в зените и так же красива впереди, как расстилаясь от самого главного, ради чего я и открыл папку. Читайте.

Стево Жигон протянул мне папку писем, многозначитель- но заметив:

— От Юрия Александрови- ча...

После «Иванова» у Стево за- вязалась с Завадским тесная

дружба. Правда, личное обще- ние случалось не так часто. Наиболее полно оно выража- лось в письмах.

«Так досадно, что по нездо- ровью сорвалась моя поездка в Югославию, — пишет Юрий Александрович своим прямым крупным почерком, — так меч- тал, что будем несколько дней жить рядом, обмениваться мыслями, планами, надежда- ми... Что посмотрю интерес- ные белградские спектакли, встречусь с участниками «Ива- нова» и друзьями, возникши- ми в дни моего пребывания в вашей чудесной столице».

Другое письмо. Коротень- кое, всего лишь три абзаца. Прощитую и того меньше — несколько слов:

«Знаете — от встреч с вами, от разговоров, даже, казалось бы, незначительных, мимолет- ных — во мне всегда возникает что-то для меня значитель- ное, существенное, важное» (подчеркнуто автором).

Слов мало, но какое богат- ство натуры оно раскрывает! Ведь сказал их Юрий Завад- ский! И каждое его письмо как бы дополнительный штрих к тому портрету Стево Жигона, который Юрий Александрович начал бегло рисовать в памя- тную встречу на артистических посиделках в 1972 году.

С тех пор минуло десять лет. Среди нас нет Юрия Але- ксандровича. Но мысль, ис- кусство Завадского, слава те- atra Завадского перешагнули границу его Родины, продол- жаются в его учениках, чему служит ярким примером жизнь словенца Стево Жигона. Она у него в зените и так же красива впереди, как расстилаясь от самого главного, ради чего я и открыл папку. Читайте.

За далью же следует даль.

Борис ИВАНОВ.

Ю. А. Завадский и Сте- во Жигон после премьеры спектакля «Иванов» (снимок публикуется впервые).

Ю. А. Завадский и Сте- во Жигон после премьеры спектакля «Иванов» (снимок публикуется впервые).